Елена Серебрякова

Симоха Рамода

Москва 2022

Елена Серебрякова

Симоха Рамода

«Издательство «Перо»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серебрякова Е. А.

Симоха Рамода / Е. А. Серебрякова — «Издательство «Перо», 2022

ISBN 978-5-906988-29-4

Объединение русских земель и княжеств в могучую державу в начале XVI века вызвало раздражение и страх у других стран. К концу первой половины XVII века исконные враги не теряли надежды справиться с Московским государством, растащить его на мелкие владения, подчинить своим потребностям. Тайные силы плели заговоры против взошедшего на престол молодого царя Алексея Михайловича, его ближайших бояр, пытались внести раскол в единство власти. Но самодержавие и православие объединяли народ и порождали таких героев, коих не знала ни одна другая страна. Молодой парень из рода лесных дикарей Симоха Рамода сначала удивляет своих просвещенных соотечественников познаниями в сферах человеческой деятельности, потом успешно применяет эти познания в противостоянии с иноземными лазутчиками.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906988-29-4

© Серебрякова Е. А., 2022
© «Издательство «Перо», 2022

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 9
Глава третья 13
Глава четвертая 17
Глава пятая 22
Глава шестая 27
Глава седьмая 32
Глава восьмая 37
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Елена Серебрякова
Симоха Рамода
Историко-приключенческий роман

* * *

© Серебрякова Е. А., 2022

Глава первая

В семье четыре парня и ни одной девки. Младшóму баловство родителей и помощь братьев, лучший кусок ему, ранний подъем для остальных, работу тяжелую не дают, жалеют и любуются. Все заняты скорняжным ремеслом. Шутка ли из тяжелого сырца сделать легкий мех или мягкую кожу. Труд для мастеров немалый. Достается всем, но только не младшому. К пятнадцати годам Сашка, сын Никодимов, не умел делать ничего. Скорняжное ремесло он невзлюбил, а по-другому, просто ненавидел.

Когда по велению государя Алексея Михайловича всех скоморохов погнали из Москвы, запретили выступать даже на ярмарках, то лицедеи переместились на Север, туда, где в городах много богатеев и мало подгляда. Часть притаилась в столице. Тайно выступали по заказам некоторых вельмож или кочевали по селениям вокруг Московии.

В деревне Свиблово скоморохи устроились за амбаром. Для зрителей оставили места в тени, а сами вышли на солнечный свет. Как только замелькали лоскутные одежды невиданного кроя, замелькали крашенные рожи, задудели свистульки, забили барабаны, народ потащился к месту представления. Первыми наперегонки загорланили два мужика с петушиными голосами.

– Ехал, ехал в Астрахань, покупать себе лохань! – заорал один скоморох.

– Очутился в Вологде, ни себе и ни тебе, – вторил ему другой.

В толпе раздались смешки.

– Шел по лесу за грибами, очутился в волчьей яме, – снова затянул первый.

– К ночи провалилась птица, оказалось, что девица, – завершил второй.

В толпе уже начали смеяться. Пошли дуделки и вылез хоровод из девок, одетых в лоскутные одежды. Потом взялись плясать и в круг выскочил мужик, прошелся колесом, прыгнул через свою голову и дальше передвигался на руках. Остальные приплясывали под звуки дуделок. Вдруг два парня, в вывернутых наизнанку тулупах, в масках медведей из бересты прошлись кругом и затянули:

– Баба печку истопила, да трубу закрыть забыла, – пробасил один.

– Утром нос покрылся снегом, а за ним и уши следом, – пропищал другой.

Выбежала девка, одетая, как баба-яга. Медведи скрестили руки, и она прыгнула на их сплетения. Потом стоймя полетела вверх и задрыгала ногами. Опустилась аккурат на сплетение рук. Потом летала еще и еще раз и в воздухе дергала то руками, то ногами. Народ покатывался со смеху. Сашка, открыв рот от удивления, глядел на происходящее во все глаза. Утром Никодим нашел на столе записку: «Хочу в скоморохи, не ищите. Сашка». Прочитал и тут же побежал к жене с ором:

– Катя, Катя, наш учудил! Со срамными сбежал!

На крик выскочили братья, поняли в чем дело и начали ругать на чем свет стоит общего любимца. Когда немного успокоились, решили пойти по следу скоморошной ватаги и вернуть Сашку домой. За три дня объехали ближние села, деревни, починки, дошли до самого Талдома. Лицедеи будто растворились. Тогда стали думать, как объяснить соседям исчезновение младшого. Стыдно было сказать, что он учудил. Решили заявить о посыле Сашки в Москву к шурину Никодима для обучения сапожному делу. Клим Горохов содержал в столице сапожную мастерскую и считался лучшим сапожником. Лукавство обеспечивалось еще тем, что шурин иногда приезжал в Свиблово закупать шкуры у Никодима. Так и порешили, токмо легче от этого не стало. Катерина все глаза выплакала, Никодим никак не мог понять за что Сашка их так наказал. Ни в чем не знал отказа, кто забижал на деревне, братья вступались намертво. Дел особых не давали, хозяйство на плечах семьи, домашняя птица и скот, посевы, сбор урожая, хранение. Наступили холода. Работы убавилось, но и день сократился до дверной щели. Чуть свет наберет силу и снова темнеет.

По первому снегу в дом вернулся Сашка. Весь в лохмотах, голодный, холодный и злой. Упал на колени и долго просил у всех прощения. При этом приговаривал, что мечты своей не оставит. Никодим от накопившейся обиды отходил его прутьями. Зато братья истопили баню, Катерина достала чистую одежду. На другой день, как по наитию, пожаловал Клим Горохов. Приехал не просто так, кожи ему потребовались. Никодим прежде, чем приступить к переговорам, держал совет с женой. Катерина сказала так:

– На ловца и зверь бежит.

– Ты, Клим, ведь не только сапожник, ты еще и родня мне. Шутка ли сказать, самый родной муж у моей старшой сестры, – начал Никодим.

– Туманно повествуешь. Говори напрямки, чего хотишь, – заявил гость и решил, что Никодим намерен поднять цены на шкуры.

– Мой четвертый сын, Сашок, не имеет никакого влечения к скорняжному делу.

– Понимаю так, что хочешь просить меня взять его в ученики.

– Именно, Климушка, не дай парню пропасть, а я в цене на шкуры сильно подвинусь.

– Думаю так, что коли к скорне твой не потянулся, то и обушка ему будет до печки. Но добавлю, что все обувщики распределены вдоль стен Сретенского монастыря на Красной площади и в Охотных рядах. Мне по наследству досталось место в Кузнечной слободе среди кузен и наковален. Смекаешь?

– Хочешь сказать, что Сашку следует отдать прямиком к кузнецу? – Никодим еще подумал немного и добавил, – значит, выгоду от обучения будешь иметь ты, а учить парня станут другие?

– В случае ежели сапожное дело у него не пойдет. А так нашел чем меня упрекнуть! Я ему приют, кормежку, уважение, а ты все считаешь.

Вошла Катерина, понятно, что она слышала весь разговор.

– Еду Сашке станем привозить. Кузнец, так кузнец. Обучи его хоть чему-нибудь.

– Понимаю вас. Так покажите мне своего сынка.

Через пару минут в горницу вошел высокий крепкий парень. Сам блондин, а брови черные, в голубых глазах озорные искры.

– Здравы будете, господа мастеровые! Звали меня?

– Звал. Пойдешь к нему в ученики?

– Чего ж не пойти, пойду. Я ведь Москвы никогда не видел. Говорят не город, а целое царство.

– Видишь, – голос Никодимыча задрожал, – ему о деле, а он о своем!

– Ты, Александр, – начал Горохов, – к чему охоту имеешь? Или только на печи лежать, да в балде пятерней почесывать?

– Нет, я многое могу. Только пользы с этого никакой нет.

– Например?

Александр ловко опрокинулся и встал на руки. На них и прошелся по горнице, потом вернувшись в нормальное положение, добавил:

– Еще ножи могу кидать в цель, да так, чтобы в дерево крепко втыкались. Плаваю, ныряю.

– А с грамотностью что?

– Считать, читать и писать умею. У нас в семье с этим строго. Все мы ходим в школу при храме. Правда, иногда получаю от батюшки розгами по спине и пониже, но это редко.

– А где выкрутасам научился?

– Один раз, давно, к нам скоморохи приезжали. Увидел, попробовал сам, у меня получилось. Мне понравилось.

– Хочешь научиться шить сапоги? Только говори честно!

– Попробовать хочу, только боюсь, не понравится.

– Тогда вернешься к отцу.

– Дяденька Клим, буду очень стараться! Ведь Москва, это не наша деревня.

– Видишь, родственник, ты ему про дело, а он опять тебе про удовольствия.

– Ладно, иди, собирайся. Мы сейчас с товаром разберемся и поедем в стольный город.

Анюта приняла своего племянника с радостью. Сашке хозяйка дома тоже понравилась. Он стал называть ее тетенька Аня. И в общении освоился очень быстро. Среди других вопросов хозяйка спросила, что Сашка умеет делать. Гость вытаращил глаза и смотрел, не моргая до тех пор, пока она громко и задорно не засмеялась.

– Тесто месить умеешь?

– …

– Крупу перебирать, кашу варить, печь разжигать?

– Нет, не умею. Дома никто меня об том не просил. Моя забота состояла в походах за водой к колодцу, наполнение ею кадушек, шаек, корыт. Будь неладны шкуры!

– Так ты же от этих «неладных» дел и пил, и ел, и одевался. Как же промысел отца можно так обзывать?

– Работы я не боюсь, но хочу, чтобы она меня радовала, была по душе.

По душе Сашке пришлись две операции: снимать мерку с ноги заказчика и плести дратву. В последней он даже проявил смекалку. Увидев буравчик и поняв его основное назначение, он стал использовать инструмент в плетении ниток. Одни концы привяжет к вбитому в стену гвоздю, а другие вставит в буравчик и начинает медленно крутить. Дратва получалась ровная и тугая.

В остальном на Сашку не было никакой надежды. Посему Клим через пару седмиц пошел к своему знакомому кузнецу. Выбор сапожника был совсем неслучаен. У Сильвана то ли от рождения, то ли от тяжелой жизни в молодости присутствовал крутой нрав. С наказанием он всегда торопился, особенно в отношении своих дочерей, а их у него было три. Старшая вот-вот подойдет к невестиному возрасту. Ко всему кузнец совсем недавно помощника своего наладил на выход.

– Свято место пусто не бывает, – начал разговор Клим.

– Ты о чем, сосед, – возмутился кузнец, – коли с добром пожаловал, то проходи. Коли зло имеешь, вертайся назад.

– Дело у меня, Сильван, хлопочу за племянника жены своей Анюты. Парень по жизни никак не определится, хотя семья у него трудовая, скорняжным ремеслом промышляет. Но то ремесло не пришлось ему по нутру. Попробовал его в своем деле, усердие имеется, но терпения никакого. Вот и подумал, может огонь и пот его в чувства приведут. Парень он крепкий, силы уже накопил. Ко всему грамотный, знает счет и вина совсем не потребляет.

– Ну что ж, придется тебе пойти навстречу, – разрешил Клим.

В разговор встряла жена Сильвана:

– Приводи, Клим, приводи, испытаем.

Сперва Сашка боялся огня, искр и гула ударов молотом. Потом, когда в его руках горячая твердыня принимала нужную форму, почувствовал себя победителем. Клим с третьего дня понял, что угодил в Сашкино нутро. При рассказе о кузне его глаза горели сильнее пламени, весь напрягался, да еще начинал руками размахивать.

Отныне по утрам парень крутил дратву, или снимал замеры у заказчиков и потом опрометью бежал в кузню. Даже приезд родителей не смог его остановить или попросить у Сильвана свободное время.

Глава вторая

Фамилия Милославских зазвучала на Москве набатным колоколом, после женитьбы государя Всея Руси Алексея Михайловича на дочери главы рода. Царица Мария Ильинична имела образование, отличное воспитание и по виду оказалась достойной великого звания.

Кабы раньше, то не всяк боярин в курлатной шапке примечал Илью Даниловича Милославского, а ныне за половину версты всяк вельможа начинал ему улыбаться, а при встрече кланяться, а то и обниматься. Гордо заходя через Спасские ворота в Кремль, Милославского поприветствовал Алексинский боярин Степан Гаврилович и начал расспрашивать про здоровье, про жену, детей, про чаяния и желания.

– А что, Илья Данилович, вот благодарность от царя нашего Алексея Михайловича получил. Жаловал меня званием и деньгами. Завод я поставил в своем Алексине железоделательный. Ныне для государства нашего – первое дело, – Степан Гаврилович поклонился и пошел своей дорогой на выход из Кремля.

Илью Даниловича будто из бадьи холодной водой облили. В его голове зашевелилась память. Милославский в Кремль не пошел, вернулся домой. Он уже знал, что в Туле и Кашире такие заводы работают, а теперь еще в Алексине сподобились. Ему отставать никак нельзя. Ни сегодня, завтра наплавят того самого железа и его залежи окажутся никому не нужными.

Милославский кинулся к ларцам с документами. Лихорадочно разворачивал свиток за свитком. Зажгли свечи, а боярин продолжал разбирать бумаги. Уж было решил перенести занятие на следующий день, но вдруг увидел письмо с записью: «Облазил низину в пятнадцати верстах от Малоярославца фрязин Беккер, рудных дел мастер. Возле деревни Росляковка нашел залежи железа в больших количествах. Об том сделана запись в приказной книге сего числа. Подьячий Семен Корноухов. 7089 года, июля месяца, третьего числа». Илья Данилович первым делом перевел год на современный манер и получился 1581. Все верно. Именно Иоанн IV Васильевич Грозный начинал искать железо повсюду. А приказную книгу искать нечего, Москва несколько раз горела.

Ранним утром Илья Данилович поехал в Кремль. Имел уверенность, царь примет его в один день. Не смотря на родственную связь, боярин раньше никогда к зятю не обращался. Подоспел случай, когда можно и отойти от правил.

В беседе с государем Милославский ограничился несколькими фразами и затем предъявил документ. Потом добавил, что земли Малоярославецкие принадлежат его роду.

После услышанного, Алексей Михайлович повелел выделить в распоряжение Милославского все необходимое для изучения этих сведений и, в случае подтверждения, построить железоделательный завод.

Илья Данилович остался доволен собой. Вот так, без лишних хлопот, он за пять минут решил очень важный для себя вопрос дальнейшего благосостояния.

Илья Данилович приказал принести ему перо, чернила и бумагу. Он зажег свечу и приготовился писать депешу старосте. Вдруг обнаружил, что забыл напрочь, как зовут того самого старосту. Открыл бюро и начал искать бумаги по переписке с Росляковкой. Долго Илья Данилович возился с письмами и, наконец, его терпение иссякло. Он подошел к другому шкафу, открыл верхнюю дверцу, налил стопку анисовой водки и залпом выпил. Крякнул и пошел опять к бюро. Сделав пару шагов, он неожиданно вспомнил, что старосту зовут Николай Анисимович Петухов. Вот анисовая водочка оказалась ко времени, не померанцевая и не кориандровая, а нужная анисовая для просветления памяти и письма. Начал он так:

«Господин Петухов Николай Анисимович! Волею государя нашего Алексея Михайловича и своею властию приказываю принять подателя сего документа. С ним следуют стрельцы. Всех тоже обслужить по высшему разряду. После отъезда охраны, а с ней и кареты с кучером,

обеспечить людей лошадьми и повозками, выделить в его распоряжение нужное количество крепких мужиков».

В конце концов, Милославскому сильно надоела эта писанина, и он решил закончить это послание так:

«Все, что попросят, исполнять немедленно. Раз в месяц принимать отчет и привозить его в Москву лично мне». Он поставил подпись и, прочитав послание, остался весьма доволен собой.

Утром следующего дня вельможа послал слугу в Каменный Приказ. Наказал идти прямо к начальнику и, сообщить ему волю государя. Надобно получить в распоряжение рудознатца, который прибыл последним из Европы.

– Илья Данилович, осмелюсь сказать, может такого, который себя уже в чем-то проявил?

– Дурак ты, Петруша, эти уже обросли и знакомыми, и бабами. Немцы такие же болтуны, как и мы, может еще и хуже. А я хочу, чтобы все тихо пока вышло. Вдруг бумаги врут! И опозорюсь на всю Москву! В случае неудачи найду, что сказать государю. А вот каждому встречному объяснять будет себе дороже.

Ганс фон Ланге обрадовался вызову к незнакомому ему Милославскому. О таковом он раньше не слышал, но судя по тому, как тянулись перед его курьером дьяки и подьячие, фигура значимая при дворе их царя.

– Здравствуй, господин!..

– Ланге, – подсказал толмач, который вошел в кабинет вслед за посетителем.

– Здравствуй, господин Ланге, слушай меня внимательно, потом дам тебе слово.

Милославский рассказал о старых бумагах, в которых сообщалось о залежах железной руды в конкретном месте.

– Надо тебе, господин Ланге, выехать в эту местность и проверить сказанное в бумагах. Ежели все так, определишь примерный размер залежей и начнешь строительство завода.

– Думаю, что я не один все это буду делать?

– Ясень день!

Переводчик перевел дословно, Ганс наморщил лоб и переспросил. Второй раз толмач перевел так:

– Конечно не один.

До места работ вас будут сопровождать стрельцы. В деревне все организует староста: и людей, и подводы, и рабочих. Он же поможет разобраться с местностью. Говори, что ты думаешь?

После некоторой паузы Ланге серьезнейшим тоном заявил:

– Все у тебя, господин Милославский, легко и просто, но мой толмач ничего кроме языка не знает. Цифры не знает, не знает арифметику, скакать на лошадях и, тем более запрягать их, не умеет. От быстрой ходьбы потеет и задыхается. Мне нужен сильный и сообразительный помощник.

– Староста Петухов будет твоим помощником.

– Я его в глаза не видел, а хотелось бы на человека посмотреть до того, как все начнется. Рабочие, как я понимаю, это обычные крестьяне? Они умеют обрабатывать землю, растить зерно, пасти скот, а горного дела не знают.

– На помощника могу согласиться, а с рабочими проблема – их просто взять неоткуда. Придется учить крестьян.

– Если так, то будем учить. Но еще нужны кирки, молотки и молоточки.

Слово кирка толмач не знал, и Ганс начертил на бумаге контур инструмента. Показал жестами, как им управляются.

– Сколько штук необходимо?

– Для начала по пять каждого инструмента.

– Ганс, пойдешь в Кузнечную слободу и закажешь по своим чертежам. Вот тебе серебряные деньги, этих вполне хватит. Помощника найди среди приказных служек. Выбирай любого, я распоряжусь.

– Сколько времени у меня на подготовку?

– Две недели. Больше дать не могу. Не уложишься, поедешь к себе домой. Мы тоже умеем быть строгими.

Ганс взял деньги, поклонился и развернулся к выходу.

– И еще в твоих полусапожках шагу шагнуть не сумеешь, место мокрое, болотистое. Закажи сапоги для грязи. Неровен час – застудишься и болеть начнешь, а лекарей у нас нету, – молвил боярин в напутствие.

Теплым днем на парадное крыльцо мастерской поднялись двое мужчин. Один – лет сорок, с худым вытянутым лицом, острым носом и тонкими губами; другой – вдвое моложе, с круглой деревенской рожей, курносый и с веснушками. Старый одет был в кафтан не московского покроя, в узких портках и в ботинках с загнутыми кверху носами. На голове была шляпа или кепка, или еще что-то доселе не виданное. По всему видать иноземец. Выходит, молодой при нем – это толмач. Все в точности совпало, когда навстречу им вышел Сашка и начал разговор. Посетители оказались заказчиками сапог. Сашка проводил клиентов в людскую, то есть первое после крыльца помещение.

Туда минут через пять вошел Клим. Из разговора через толмача стало понятно, что заказчик Ганс фон Ланге, немец – бергинженер, служит в Каменном Приказе. Он нуждается в удобных сапогах с высокими голенищами для длительной ходьбы по заболоченной местности. Стало также ясно, что прибыл всего месяц назад и не все еще уяснил для себя, но условия заключенного контракта его вполне устраивают. Клим уточнил требования клиента к заказу, сообщил срок исполнения и стоимость. Когда договорились, перешли к снятию мерок. Здесь уже суетился Сашка с линейкой и замерочной лентой, а Клим сидел за столом и заносил передаваемые цифры на особый чертеж, изображающий ногу. В конце согласовали цвет на кусочках кожи. Почему немец выбрал именно лиловый, для всех осталось загадкой. При расставании Ганс сказал, что если всё ему понравится, то он в знак дальнейшей дружбы угостит мастера настоящим рейнским вином.

Клим с прищуром посмотрел на немца, потом, повернувшись к толмачу, произнес:

– Скажи своему иноземцу, что в моем доме никто никогда не пробовал хмельного, не собираются этого делать и впредь!

Вообще Ланге шел в Кузнечную слободу заказывать кирки, но увидел сапожную мастерскую и решил за один раз сделать два дела. Каково же было его удивление, когда в кузне увидел того же парня, что у сапожника.

– Как тебя зовут? – испугано спросил немец.

Толмач перевел, а Сашка засмеялся.

– Не боись, тебе не чудится. Я был там, и я есть здесь. Зовут меня Сашка.

Через неделю во время примерки немец удивил и Клима, и Сашку. В переводе получалось, что по заданию государя Алексея Михайловича немец отбывает из Москвы за сто верст на юго-запад. Его сопровождает охрана из стрельцов и толмач. Ему нужен молодой, грамотный непьющий помощник. Стрельцы, выполнив свою миссию, вернуться в Москву. Толмач работу помощника не сдюжит, здоровьем не очень силен, а тут придется и амбарную книгу вести, и камни таскать, и лошадьми управлять. На эту должность выбран Александр. Он, Ганс фон Ланге, мог бы через царедворца Милославского оформить приказ. Но ему хотелось все сделать по-доброму. Клим, когда уяснил суть предложения смог только развести руками. Сашка радовался предстоящим изменениям и боялся неопределенности.

– Понимаю, господин Ланге, но до отъезда есть еще семь дней? Надо выполнить ваш заказ. А Сашке просто необходимо съездить в деревню и обо всем рассказать родителям, – все, что мог сделать сапожник.

– Да, да, – почти равнодушно сказал немец.

Глава третья

По истечении двух недель группа Ланге двинулась в дорогу. Сбор состоялся на восходе солнца у Водовзводной, бывшей Свибловой, башни Кремля. В карете, выделенной Милославским, прибыл мастер и его толмач. Карету запрягли парой породистых резвых лошадок. Кучера, мужика лет сорока, одели в темно-синий камзол с блестящими пуговицами и аксельбантом. Стрельцы прибыли раньше всех. Командир по имени Ерема представился мастеру и предложил свой вариант построения группы: впереди два всадника – стрельца на расстоянии окрика, затем карета, остальные восемь воинов попарно на таком же расстоянии и, сзади две резервные лошади, навьюченные тюками с запасной одеждой и провиантом.

Переправившись на другой берег Москвы-реки, взяли курс к Калужской заставе. Карета имела жесткие рессоры, но тряску гасили два мягких дивана друг против друга. Сзади в багажном сундуке лежали перевязанные в тряпицы нужные инструменты, а сверху в холщовом мешке лиловые сапоги. Бумаги и письмо к старосте были при инженере в походном сундучке очень похожем на морской рундук.

Еще раз, прокрутив в голове свои задачи, Ганс закрыл глаза и попробовал задремать, но гордость за себя не давала ему покоя. Он еще раз вспомнил как, не зная обычаев и нравов русских, сумел организовать все по-своему. Ведь сразу по приезду в Россию инженер понял, что русские между собой повязаны какой-то только им известной клятвой и у них в крови недоверие к иноземцам, а может быть и неприятие их.

Выбирать по указанию Милославского среди служек Каменного Приказа помощника Ганс и не собирался. Со многими он уже был знаком и остался не в восторге от их хронического желания что-нибудь урвать, получить большое вознаграждение в любом виде, избежать ответственности за участие в деле. Судьба преподнесла немцу неожиданный подарок в виде независимого, делового и грамотного парня.

Увидев еще раз картинку своей безоговорочной победы, Ганс задремал по-настоящему, и тряская дорога его уже не беспокоила. Толмач и Сашка вели свой разговор. Оказалось, что толмач родом из Нарвы, сын пекаря. Язык иноземный выучил и не заметил, когда. Просто соседи слева и справа оказались немцами. Он дружил со своими ровесниками и общался с их родителями. Достигнув отрочества, стал шутить, что родной язык часто путает с немецким и с польским. Потом пришел стрелец и предложил ему хорошо оплачиваемую работу.

– Я ведь второй ребенок, а всего у нас в семье пятеро. Пришлось с мастером ехать в Москву и неотлучно находиться при нем. Когда все закончится, сам не знаю. Только немец меня домой не отпускает, а здесь еще начали приплачивать за…

Толмач сконфузился и резко замолчал. Через какое-то время он, приоткрыв занавеску, глянул в окно, потом посмотрел на противоположную сторону. С двух сторон их дорогу окружал непроходимый лес.

– Страшно? – спросил Сашка.

– Я вообще лесов боюсь!

– Именно в этих местах безумствовал бандит Карачун. Слышал о таком?

– Расскажи, что знаешь?

– Карачун в своей банде держал только душегубов. Они не щадили ни богатых, ни бедных. Всех убивали через страшные муки. Зимой голых пленников привязывали к деревьям, летом сажали в муравейник.

Толмача передернуло. Сашка голос сделал еще более таинственным.

– Награбленное золото бандиты прятали в пещере. Когда один знаменитый колдун по просьбе окрестных жителей покончил с бандой и его главарем, он дал наказ: «Золото Карачуна

не искать. А кто случайно найдет, пусть даже не дотрагивается… В этом случае надо возложить на себя крестное знамение и идти дальше своей дорогой, даже не оглядываясь».

Лес то становился дремучим, то резко обрывался и, тогда взору открывались виды на поля, луга, деревни. Иногда на взгорках стояли барские терема в два, а то и в три этажа.

Вокруг них суетилось много народу. И когда кто-то замечал редкий для таких мест караван повозок, то остальные тоже бросали свои дела и, прикладывая к голове ладони в виде козырьков, наблюдали за странными путешественниками.

Когда солнце стало клониться к западу, начали искать место для отдыха. С трех сторон кустарник, открытый спуск и внизу небольшая речка. Рядом большак, и, судя по лаю собак, где-то находилась деревенька. Разместились строго по военным правилам: в середине карета, вокруг оборона, за ней дозор и охранение. Командир стрельцов Ерема подошел к Александру и доложил о готовности отряда к отдыху:

– Слышь, Александр, – вдруг неожиданно вполголоса заговорил командир, – идем-то мы в мои родные места. Детство и отрочество прошли на берегу реки Поротвы в деревне Овчинино. Оттуда меня барин и забрал в Москву, как известного всей округе мастера кулачного боя. В те времена разошелся в столице Тимошка Анкудинов. Сам он колесил по Европам, а вот его банды именем несуществующего сына Василия Шуйского, бывшего царя, творили на Московии всякие безобразия. Стали набирать в стрельцы настоящих бойцов. Так я и прижился в Москве. Теперь мне в деревне и делать-то нечего. Родители померли, земля отошла к соседям, избенка, рассказывали, совсем завалилась.

– А в Москве-то как живется?

– Сперва тосковал, потом привык. Хочешь послушать про края, куда мы идем? Авось пригодится!

– Буду благодарен.

– Сей сказ неоднократно слыхал я от келаря нашего сельского храма. Мужик он был грамотный, очень книги любил. Соберет детвору и давай рассказывать быль и небылицы.

– Что же сказывал тот самый келарь?

– На Руси первыми городами были Ладога, Новгород и Киев. Киевскую Русь тогда хорошо знали в других странах и государствах. А те земли, куда мы держим путь, назывались Русь Залеская, потому что отделены были от Киева дремучими лесами. Народ, который здесь жил, назывался вятичами. Киевская рать двести лет ходила походами на Залесье, чтобы покорить эти земли и присоединить к себе. Но вятичи знали ратное дело. Могли маскироваться под деревья, уходить под землю. Идет киевское войско, а на него слева и справа летят стрелы и камни. Еще у них были пищальники, такая штука с четырьмя мехами и одной дудой. Ежели загудит, кто с ума сходил, кто в беспамятстве падал на землю, у кого кровь ручьем текла из носа и ушей.

– И куда же делись эти вятичи сегодня?

– Келарь сказывал, что все люди друг с другом перемешиваются. Например, пришли поляки в Киев, всех мужиков в полон взяли или убили, а баб заставляли детей рожать. И получились хохлы.

– Теперь понял, значит, вятичи растворились среди русских.

– Выходит так.

Ерема и Сашка проговорили почти до утра. С рассветом отряд двинулся дальше. После полудня въехали в деревню Росляковка и остановились у самой большой избы, правильно полагая, что именно в ней живет староста.

Когда карета остановилась, путники вздохнули. Правая дверь открылась, и все увидели стоящего на земле Ерему. Лицо его было серым от пота и пыли. Но белозубая улыбка не скрывала радости от окончания путешествия.

– С приездом, господин немец, – сказал командир и протянул немцу руку.

Толмач и Сашка поспешили выйти через противоположную дверь и, оказавшись на улице, с явным удовольствием потянулись. Оглядевшись, Сашка замер от красоты открывшейся панорамы.

Возвышенность, именуемая Росляковской горой, резко уходила вниз и упиралась в низину. Покрытый молодой травой луг очень напоминал мягкий ковер неземной красоты. Этот луг с другого края венчала череда лиственных шапок – скорее всего плакучей ивы, за ними угадывалась река. Вода отражалась на солнце и напоминала сверкающие драгоценные камни. Там, где русло делало поворот, воды видно не было. И в целом охваченная взглядом часть реки, напоминала небрежно брошенное на землю ожерелье. За рекой равнина восстанавливала свои луга, но начинала подъем. Все это заканчивалось полоской леса, казавшейся темно-синего цвета. От леса к реке были нарезаны овраги. Между собой имели расстояние примерно в четверть версты. Александр даже не сомневался в том, что по дну этих оврагов текут ручьи или мелкие речушки. По каждому берегу оврага стояли дома под соломенной крышей, напоминавшие стога сена. Венчала панораму ослепительно белая церковь с шатровой колокольней, мудреным абсидом и куполом. Золотые главки отливали на солнце всеми цветами радуги и побуждали все подобное великолепие увидеть, как можно ближе.

В это же время Петухов Николай Анисимович внимательно прочитал письмо барина и пригласил мастера, толмача и помощника в свою избу. Вскоре к отряду стрельцов и кучеру подбежал приказчик, показал, куда можно отвести лошадей, потом попросил охранников помочь расставить в саду столы и скамейки. Откуда-то налетевшие женщины выносили еду и бутыли, пироги со всякой всячиной, отварных кур, жареных уток, копченую стерлядь, квашеную капусту, медовуху, пиво и наливки. Несмотря на неожиданный визит такого количества гостей, стол ломился от яств. Гостеприимство завершилось пением частушек и всякого озорного речитатива. Командира уложили спать в соседней избе, охранников расположили на сеновале, немцу и его свите отвели горницу в доме старосты. На другой день Петухов приказал подать повозку, в которую сели Ланге, толмач, Сашка и он сам. Все укатили в направлении, указанном на схеме. Отряду стрельцов было велено купать коней в реке, в обед подходить за вчерашние столы, затем сборы в дорогу, так как рано утром отряду было предписано возвращаться в Москву вместе с каретой Милославского.

Петухов оказался знающим хозяином. Стало понятно, что он уже давно разведал места залежей руды. Все постепенно объехали. Затем нарубили кольев в половину человеческого роста. Там, где руда выходила на поверхность, вбивали кол на одну треть. Где подразумевалось копанье дудки, то есть ямы, то кол вбивали наполовину. Николай Анисимович удивлялся выносливости и сноровки инженера и его помощника. Они не проявляли даже признаков усталости.

– Господа, давайте же, наконец, передохнем! Я вот с собой пирогов с зайчатиной прихватил и бутыль кваса.

– Сейчас, Николай Анисимович, вон до того леска доработаем, а там и перерыв сделаем, – скороговоркой проговорил помощник.

К вечерней зорьке работа была сделана.

– Сколь народу нужно подобрать? – спросил староста.

– Для начала десять работников будет достаточно, – перевел толмач в обе стороны.

– Еще две телеги потребуются. Будем свозить добытую руду в одно место.

На обратной дороге инженер закончил делать на бумаге расчеты и произнес, толмач перевел:

– Запасов тут при работе одной печи и одной кузни на сто лет не менее. Так я в отчете и укажу.

До деревни оставалось с полверсты, когда Петухов неожиданно спрыгнул с повозки и, глядя куда-то в кусты, подошел к деревцам. Остановили лошадей. Сашка тоже спрыгнул на

землю. Потом они отнесли в сторону здоровенный, свежесрубленный сук. Тогда все увидели двух лежащих на земле никому не известных путников.

– Мертвые, – сказал громко помощник.

Обоим было лет под тридцать. Следов насилия и крови на голове, руках и одежде видно не было. Рубахи, портки и сапоги были необычного покроя. Отсутствовали нательные кресты.

– Что за чудо, – воскликнул староста, – иноземцев тут отродясь не водилось!

Осмотр одежды показал, что у незнакомцев нет при себе никаких бумаг, денег. Когда Сашка попытался перевернуть одного из убитых, у того неестественным образом откинулась голова. Обсудив всем миром такую неожиданность, пришли к выводу, что этим несчастным просто свернули шеи.

Петухов предложил всем поехать в деревню, там взять телегу, мужиков и перевезти тела в деревенский ледник.

– Утром приведу к вам рабочих, поедете на прииск, а я к губному старосте, в уезд. Может быть московский отряд стрельцов пока задержать?

Сашка ответил:

– Будет тебе, Николай Анисимович, страху нагнетать. Стрельцам вообще говорить не надо. Пусть возвращаются в столицу. А то ведь слухами так все обставят, что к концу недели сюда войско прибудет или нас отзовут назад.

На другой день Петухов, как и обещал, собрал крепких мужиков и представил их рудознатцу. Сам же поехал по поводу страшной находки.

Глава четвертая

На прииске в этот день больше времени ушло на обучение крестьян, чем на добычу руды. С теми, кому достались открытые или дневные залежи, хлопот почти не было.

Тяжелее оказалось с теми, кому досталось копать дудки, то есть ямы от двух саженей и больше и, потом уже брать в руки кирку. У мужиков обнаружился панический страх лазать в эти ямы. Им было не до работы киркой. Кто боялся нечистой силы, дурного знамения, а кто просто остерегался обвала земли. Сашка замучился подавать личный пример: копать ямы, работать в них киркой, толкать речи о безопасности такой работы и для души, и для тела. В этот день из крестьян были выжаты все силы. Сашка тоже испытывал неприятную дрожь в руках и ногах от физического напряжения. Он попросил мастера сделать перерыв до следующего дня.

Двигаясь в сторону деревни, все еще издали увидели возле дома старосты незнакомую бричку, запряженную парой лошадей.

– Вот, господин, – начал Петухов, – знакомьтесь с нашим уездным губным старостой. Зовут его Устин Андреевич.

Староста оказался под хмельком, а привстав, даже немного покачивался.

– Пошли в избу подальше от глаз и ушей! – почти приказным тоном сказал уездный.

– Значит, так, – продолжил он в доме. – Места у нас тихие, никогда подобных убивств не водилось. И решили мы с Николаем Анисимовичем, что два неизвестных путника не поладили между собой и подрались до обоюдной смерти.

– Так, что от нас требуется? – перевел толмач вопрос немца.

– Подтвердить мои слова, если кто будет спрашивать.

Все дружно закивали головами.

Утром москвичи, выйдя на улицу, увидели, что лошади и повозка уже стоят на месте.

– С добрым утречком, господа! – Петухов, якобы между прочим, оторвался от своих мыслей и сказал, – сейчас иду будить гостя, его ведь по-человечески надо проводить, а потом организую придание земле убиенных. Коль скоро они веры не нашей, хоронить придется за кладбищенской оградой.

В этот день работа на прииске пошла веселее, телеги загружались железной рудой, и за этим следил сам мастер. Сашка постоянно в мыслях возвращался к страшной находке.

– Господин Ланге, – обратился он к немцу, – пойду, проверю наши колышки на прииске, а то в этих краях я перестаю чему-либо удивляться.

Толмач перевел.

– Согласен, здесь пока работа налажена, а без дела стоять не в наших с тобой правилах. Верно?

– Да, господин Ланге, – и Сашка почти по-военному развернулся на половину оборота и бодрым шагом пошел прочь.

Вскоре он отыскал место преступления и начал кружить вокруг. Ему очень хотелось найти дополнительные подсказки произошедшему. Сашка был уверен, что должны быть следы волочения. Просто под деревом свернуть шею двум ражим мужикам невозможно. Их откуда-то приволокли или принесли. За двое суток трава, конечно, поднялась. Но если трупы волокли, то следы должны остаться. Ему не повезло. Как бы он ни хотел, но что-либо обнаружить не удалось. Тогда Сашка углубился в кустарник и стал искать место, где эта драка могла произойти. Увидел небольшую поляну. Примерился и понял, что вчетвером тут можно и дубиной махать, и саблей орудовать. Кое-где виднелась выдранная ногами трава и клоки земли. Наконец, он увидел деревянную пуговицу, явно сделанную не для красоты, а только для прямого назначения. Сашка поднял ее и внимательно разглядел. На крестьянских рубахах и душегрейках такие можно частенько увидеть. В другом месте обнаружился след голой ступни. То ли здесь земля

оказалась мягкой, то ли кто-то сильно оттолкнулся. В районе пятки на земле отпечатался бугорок. Стало быть, ступня у великана имеет старую рану. Сашка нашел в кустарнике сухую ветку и, приложив к следу, сделал для себя мерку.

К вечеру работники вернулись в деревню с телегами, гружеными рудой. Наскоро поев, отправились спать. Мастер что-то пробубнил толмачу и быстро удалился.

– Александр, завтра мастер даст тебе новое задание, сегодня у него не было сил говорить.

С началом дня навалились хлопоты. Толмач вторил за мастером, делая его скороговорку понятной для русского уха:

– На этом рисунке, – Ганс протянул Сашке кусок плотной бумаги, – изображена плавильная печь. Это нужно показать каждому печнику. Проводник у тебя будет, необходимо найти того, кто знает, что эта за печь. Если найдется знающий, выясни, строил ли этот печник такие печи? Можно было бы нанять печника в Москве. Но я, честно сказать, боялся разгневать нанимателя. Он такой жадный. Пришлось уговаривать выбирать самому помощника, а печника он бы точно не дал. Да еще мог запросить другого рудознатца.

Проводника звали Прохор. Почти еще мальчик, но уже смелый и бойкий в делах.

– Слышал, тебя Сашкой кличут? На нашей стороне мы с Петуховым уже всех печников опросили. Они лишь таращили глаза на картинку и отрицательно качали головами. А сейчас поедем на другую сторону реки, будем искать тама.

Они посетили пять или шесть деревень. Нужного печника не нашли. Наконец, Сашка не выдержал и спросил:

– Чего у нас осталось-то, думаю тоже все без толку!

– А вон церковь стоит белая как лебедь, красавица. Храм назван именем Иоанна Богослова.

– На службы сюда ездите? – спросил Сашка.

– И сюда тоже. Вот только поговаривают, что скоро церковные порядки будут менять. Вроде, как и молимся мы неверно, и крест накладываем неправильно, а в книгах писано не так, как должно.

– В душе у тебя Бог есть?

– Есть.

– Ну а как молиться, скажут священники. Храм Иоанна Богослова уже проехали, где твой печник-то?

– А вон деревня у леса стоит, называется Бужениново. Да печник там странный, вроде дурачка.

– А печи-то кладет справно?

– Равных ему нет! В двух деревнях нанимался. Хвалят, не нарадуются.

– Нам же печник нужен, а не плясун. Как этого печника зовут?

– Симоха. Появился он в туточных краях неожиданно. Откуда пришел, не известно. Встретился он с их старостой и поселился вон в том крайнем доме. Спросят его о чем-то соседи, а он Рамода. Вот и стал Симоха Рамода. Зарабатывает всем понемногу, да, похоже, все отдает старосте. Имеет огород.

Ворох почерневшей соломы служил кровлей у полдома или полуземлянки Симохи. При первом приближении можно было разобрать два оконца. Проемы закрыты ивовой плетенкой и смазаны еловой смолой. На смоле висели пауки и комары, неудачно пытавшиеся попасть вовнутрь помещения. Хозяин появился из-за плетня неожиданно. По возрасту, похоже, Сашкин ровесник! Но будто не от мира сего. Копна русых волос, доходившая по длине до плеч. Расчесана на прямой пробор и по всему не грязные. Борода и усы до конца не оформились по возрасту, но по любому никогда не видывали ножниц или бритвы. Глаза невиданно синего цвета, даже на небе такой синевы не сыщешь. Нос такой прямоты, что будто создавали его по

линейки. Домотканая рубаха, подпоясанная вервием, свободные шаровары из грубой материи и лапти с онучами. Поздоровались, и Сашка показал рисунок.

– Что это, знаешь?

– Это плавильная печь для железной руды.

– Откуда знаешь?

– Приходилось.

– Что приходилось видеть, класть, ломать?

Симоха поднял голову и стал смотреть на небо. При этом шевелил губами.

– Ну, говори, не томи, – заорал Прохор.

– Я могу эту работу сделать. Когда ехать? – спросил Симоха.

– Сейчас, – ответил Сашка, все еще не веря в удачу.

Приступили к экзамену. Немец, достав бумагу и грифель, попросил печника нарисовать плавильную печь в разрезе. Рассказать, что где, для чего. Сашка находился рядом, и ему стало так интересно, что он забыл обо всем на свете. Процесс превращения добытых в дикой природе каменьев в железо, пусть еще со всякими примесями, он стал с этого времени назвать волшебством, равным, а может сильнее, чем работа в кузне.

Симоха после успешной сдачи экзамена заговорил с рудознатцем об оплате. Тот назвал сумму предоплаты. Симоха кивнул, но потом сказал прямо без стеснения:

– Деньги отберет у меня наш староста, оставит мне медные копеечки. Нельзя ли выдать полмешка зерна: пшеницу или рожь? Жито я ночью перевезу и спрячу в доме.

Немец раздумывал недолго и согласился не только на эти условия, но и оказать помощь печнику в переправе зерна.

По прибытию в Росляковку мастер, толмач, Сашка и Симоха пошли вдоль маленькой речки Угодки выбирать место для строительства плавильной печи и кузни. Места обозначали кольями, позвали Петухова и показали ему свои планы. Тот в свою очередь вызвался поставить кузню и оборудовать ее нужный образом.

Симохе отвели ночлег в пустующем доме, где в свое время останавливался Ерема, командир стрельцов. Там для печника и стол накрыли с незамысловатой снедью: гречневая каша с кусками холодной телятины, моченая брусника, соленые рыжики и крынка с квасом.

Чем больше Сашка общался с этим парнем, тем сильнее он чувствовал в нем какую-то тайну, закрытость от окружающего мира, будто истинно он с неба спустился. Из головы не выходили слова Прохора: «Взялся неизвестно откуда, смог сговориться со старостой о жилье, к соседям не потянулся для знакомства, вина не пьет, на девок не заглядывается». То, что на выгоревшей рубахе Симохи потеряна одна пуговица, Сашка увидел еще на прииске. Теперь, когда он снял лапти и размотал онучи, Сашка увидел большой размер ноги, и то, что печник припадает на левую ногу. В Сашкиной голове пронеслась мысль о том, что это именно Симоха разобрался с двумя незнакомцами. Сашка начал разговор о страшной находке в виде двух убитых путников. Сообщил, что приезжали из уезда и посчитали лучшим принять убийство за обоюдную драку. Дело по розыску не заводить. Убитых похоронили за кладбищенской оградой, так как на них не было крестов православных.

Симоха жевал свой ужин, иногда поглядывал на потолок, и ни один мускул не дрогнул на его лице.

Тогда Сашка полез в карман и достал найденную пуговицу. Положил ее на стол, глянул на ворот рубахи печника и спросил:

– Твоя?

Симоха лениво посмотрел на вещицу, взял ее в руки, покрутил и положил в карман.

– Кажись моя!

Сашка заверил мастера, что об этом разговоре никто никогда не узнает. И про ногу тоже.

– Про какую ногу? – вдруг проявил неожиданный интерес Симоха.

– Про старую рану на твоей пятке. Вон, ты и хромаешь немного!

– Говори все, что знаешь про мою ногу?

Сашка почувствовал определенную угрозу в голосе мастера.

– Про твою ногу не знаю ничего. Я нашел поляну, где ты бился с незнакомцами. Там и пуговицу нашел. А в одном месте увидел след от твоей ноги на земле. Пятка тоже хорошо отпечаталась вместе со старым шрамом.

– Что тебе от меня нужно? Ты ведь не похож на доносчика!

– В своей жизни я не встречал таких необычных людей как ты! Началось с того, что ты узнал на рисунке плавильную печь, о которой даже бывалые мастера в этих краях не слыхивали. Еще больше ты меня заинтересовал, когда ушел от ответа о происхождении своих знаний и навыков. Совпадение, делающее тебя победителем в драке с двумя ражими мужиками, толкнуло меня на этот разговор. Как тебе удалось с ними справиться? Клянусь, никогда никому говорить об этом не буду. Да и кому говорить-то? Немец думает только о железе, Петухов выпрыгивает из порток для сохранения своей должности, а губной староста крайне заинтересован в собственном спокойствии и в угощении на стороне.

Симоха думал-думал, потом коротко сказал:

– Есть древние хитрости для драк с набором обманных движений, прыжками, знанием болевых и смертельных мест на теле противника. Я хитрости хорошо знаю и постоянно тренируюсь. Места здесь только в деревнях и на полях тихие, а в лесу и на реке держи ухо востро.

Утром закипела работа. Симоха с двумя помощниками поехал за глиной для плавильной печи. Заранее приготовили здоровенное корыто, в котором замачивали этот материал. Потом возили камень для фундамента печи. Сашка поехал с Прохором искать нужного кузнеца. Петухов громким голосом давал указания при строительстве кузни. Ланге с толмачом и рабочими отправились на заготовку руды.

Вечером мастер, толмач и Петухов засели за подготовку отчетного письма в Москву барину. Все были при деле, трудились в поте лица.

Прошло около двух недель, прежде чем Симоха сам возобновил с Сашкой разговор об убиенных. К этому времени и обстоятельства сложились подобающе – Петухов укатил в Москву с докладом.

– Пригляделся я к тебе, помощник. Волю дал своим ощущениям. Честно скажу, угрозы от тебя не исходит. По жизни ты как будто сам по себе. И возникло у меня желание продолжить с тобой общение. Есть еще одна причина – мое одиночество в этих краях, да и ты, похоже, не сумел найти здесь попутчика для души.

– Отвечу так! Чувствую в тебе сильное отличие от тех, кого встречал раньше. Думаю, наша дружба будет полезная, – заключил Сашка.

– Для меня скорее всего так. А для тебя может стать опасной – сразу предупреждаю!

– Симоха, не пугай меня. Для доброго дела ничего жалеть не стану, а на злое меня не уговорить. Будь ты хоть сват, брат, друг…

– Не боись, со временем все сам поймешь. Пока скажу одно – я принадлежу к лесным людям. Слыхал о таких?

– Слыхом не слыхивал и видом не видывал, – немного слукавил Сашка. Он уже кое-что знал о них из рассказа Еремы.

– Как не видывал? Вот, смотри! – и Симоха весело ткнул себя в грудь и продолжил, – наш род живет в лесу семьями. Но все семьи принадлежат к одному роду. В каждой семье от двух до пяти человек, и каждая имеет свою громадную территорию. Это тебе не деревня, где от соседа до соседа рукой подать! Порой к другой семье весь день идти надо. Жилища так спрятаны, что нелесному человеку вовек не найти. Еда у нас, как и везде, сезонная. Летом надо запасаться на зиму. Соль добываем в глубоких ямах. Одна такая яма на две-три семьи. Там иногда и встречаемся, сватовство тоже там происходит.

– А вера у вас какая?

– Поклоняемся мы выбранному в лесу дубу. У каждой семьи свое дерево. Его свято берегут.

– Значит, язычники?

– Как хочешь, так и зови. Только в каждой семье есть свой лекарь. Здесь их называют знахари. Этому начинают учить с детства. Корешки, листья, цветочки, когда и как надо собирать, сушить или сок выдавливать. Лесным людям хворь или рана не страшны.

– Твоя семья далеко отсюда?

– Когда в лес войдешь, то идти надо день. Ночь отдыхать, потом еще один день идти. Это только летом, а зимой много дольше. Если кто чужака приведет, то семья или спрячется, или перейдет в другое более глухое место.

– А от вас кто-нибудь уходил в другие места жить?

– Только по заданию семьи. Например, мне пришлось уйти в деревню.

– У тебя, что же задание? – спросил Сашка.

– Задание или как по-другому, но на то была нужда. Раньше лес-то совсем близко к Поротве подходил. В одном месте, прямо в берегу реки, существуют залежи камней сулемы. Коли переплавить один камень с железом получают материал, способный выдержать удар стрелы, сабли и пули, но не всякой. Толщина такой защиты с бумажный лист, а по весу от плеч до пят, как доха из хорошей шкуры. Еще делают из этого материала ножи, тарелочки для запуска рукой. На охоте они могут горло любому зверю разрезать. И вот однажды мой дед-ведун сказал про свой сон. Ведь место, где залежи сулемы, знают только несколько человек. Еще давно-давно, когда граница с Литвой проходила недалече отсюда, инородцы тоже узнали про это чудо. Тогда весь лесной люд собрался и засыпал проходы к ним с поверхности земли. Остался только один вход с берега, глубоко под водой. Деду приснилось, что лихие люди ищут этот вход. Меня послали проследить. Обосновался я в ближайшей деревне. У реки, недалеко от этого места, устроил свое сидение. Днем спал дома в деревне, а ночью приходил в схрон, дежурил неделю, уже думал, что дед не так свой сон истолковал. На восьмой день услышал на другом берегу, будто кто к воде лодку тащит. Оказался плот, а на нем два здоровых мужика. Подплыли поближе, разговаривали на незнакомом мне языке. Один надел плетеные плавники на ноги и нырнул.

– Что за плавники?

– Как хвосты у рыбы, на каждой ноге по такому хвосту. Видать, они ускоряют движение под водой. Дыра эта находится так глубоко в воде, что воздуху может не хватить. Пловца долго не было видно. Скорее всего под землей находится пещера, незаполненная водой. Но как он в темноте разбирался, сказать трудно. А с каждым нырянием он доставал сумку, наполненную, скорее всего камнями. Потом они уплыли и появились на следующую ночь. Так продолжалось четыре дня. Когда на пятый день с рассветом они пошли в сторону Росляковки, я догадался, что у них где-то спрятаны лошади, на которых собираются уехать и увезти добытые камни. Что мне оставалось делать? Подождал я их на той поляне в кустарнике. Дальше ты все знаешь.

– Ну а сулема, что там так и лежит?

– Нет. На том же плоту я ее переправил, где мой схрон, там разложил. А потом перенёс в Бужениново к себе в избу.

Глава пятая

Царедворец остался доволен докладом Петухова и содержанием переданной ему грамоты. Главная радость состояла в том, что запасов руды хватит на сто лет.

Милославский приказал Петухову утром другого дня отбыть домой. Дескать, без его пригляда всякое может случиться. И приказал приехать в следующий раз, когда будут готовы образцы, добытого железа.

Староста хотел было просить еще день, так как была необходимость сделать кое-какие покупки, но поразмыслив, оставил эту затею. Боярин быстро менял милость на гнев.

Николай Анисимович надеялся на открытие лотков, стоявших на пути к Калужской заставе. Надо же жене и детям гостинцев привезти. У пекарни остановил свой поезд и купил мятные печатные пряники. Дочерям «зайцев», а сыну «медведя». Отъехали, и староста углядел развешанные прямо на улице разноцветные платки. Хозяин вертелся рядом, но торговлю не открывал. Все чего-то поправлял, раскладывал. Узнав, что покупатель держит путь под Малоярославец, сообщил нерадостные дорожные новости:

– В районе деревни Бунчиха, что сразу за рекой Нарой, объявилась банда. Небольшая и странная. Грабят аккуратно без убийства, отбирают деньги, еду и питие, иногда раздевают, но не догола. Вчера к вечеру, например, прошли две подводы: одна из Медыни; другая из Малоярославца. Бандиты забрали еды столько, сколько смогли унести в руках. Все делали тихо и молча.

– Спасибо тебе, Афанасий, за сказ. Буду сторожиться. Доброй тебе торговли!

После сделанных покупок скорость прибавили. Николай Анисимович спешил засветло добраться до деревни Каменка, что за Подолом. Там его старый знакомец и приют даст, и лошадей обиходит. Получилось.

Утром миновали по летнему мосту реку Нару, проехали Бунчиху, от души стало отлегать, нервы успокаивались. Вдруг кто-то вихрем вскочил на ступеньку коляски, вырвал вожжи из расслабленных рук Петухова и остановил движение. Еще три бандита подскочили к охранникам. Мужики не сопротивлялись. У них отняли один пистоль и два ружья, мешочки с порохом и пулями. Развернув тряпицу, бандит понюхал пряники и сказал:

– Годится!

Потеря пряников, досады не вызвала. Чем полакомить детей, он сможет купить по дороге. Пусть не московского производства, но дети все одно будут довольны. Охране сказал, чтобы ехали не короткой лесной дорогой, а большаком. Пусть дольше, но надежнее.

Добравшись без особых приключений до Росляковки, Петухов прочитал ответ барина немцу и его людям.

– Господин Милославский добавил что-то на словах? – спросил мастер.

– Просил передать… – и Петухов повторил все, о чем говорили: сосредоточить главное внимание на скорейшее получение образцов железа, – еще в Москве предупредили, что за деревней Бунчиха объявилась банда. На всякий случай грамоту Милославского спрятал под сидушку, а так кошель остался при мне и по карманам деньга кое-какая валялась. Аккурат в Бунчихе все и случилось. Взяли нас тихо и без угроз. У охраны отняли пистоль, два ружья, порох и пули. У меня, к стыду великому, взяли только пряники и то, сперва вор их понюхал.

– Нечто пряников никогда не видывали, чего их нюхать? – удивился толмач.

– А вор еще и добавил, дескать годится. Думал, что обыскивать станут и уже попрощался с деньгами.

– Небось за письмо еще волновался? – поддержал толмач.

– Не успел, он пряники схватил и убежал.

– На воров не очень похоже, – заключил Сашка.

– Говори, Николай Анисимович, чего тебе еще запомнилось? Больно случай редкий. Расскажи кому, никто не поверит. Странно все, – рассуждал Симоха.

Петухов нахмурил брови, сосредоточился и потом продолжил:

– Годов им всем одинаково, около тридцати, безбородые, безусые, одеты чисто и не по лесному. Еще знаешь, мой с пряниками, когда в коляску запрыгивал, рубаха на нем раскрылась, а там на черном кожаном шнурочке то ли монета висит, то ли медаль.

– Медальон, – уточнил Сашка и тут же спросил, что на том медальоне было изображено.

Петухов напрягся еще сильнее, долго думал, потом заключил:

– Не помню, что-то было, а что? Все так быстро и неожиданно.

Когда стали расходиться, Симоха потащил Сашку к себе в избу. Там залез в ларец и вытащил два медальона на двух кожаных шнурках.

– Понимаю так, что оба висели на тех убитых, что давеча нашли в кустарнике.

– Догадливый ты. Как бы показать их Петухову, может узнает, тогда и нам станет легче.

– Отчего легкота появится? – удивился Сашка.

– Может те из Бунчихи связаны с двумя в кустарнике. Не дождутся и сами полезут в воду за камнями.

– Петухову медальоны показывать никак невозможно. Сразу побежит к губному старосте, другу своему Устину Андреевичу. И бандитов не поймают, и шуму наделают.

– Что предлагаешь? – спросил Симоха.

– Предлагаю разобраться самим, но сначала покажи, что там на медальонах изображено.

Симоха протянул один шнурок и сел напротив. Сашка узрел вдавленное изображение птицы.

– Сокол или беркут, поди разбери.

– Рарог, – выдал Симоха, – Огненный Сокол зовется, воплощение Сварожича Семаргла.

– Ну ты даешь. Никогда не слыхивал. Что за птица такая?

– У нас Рарог, а у них не знаю, может как по-другому зовется.

– Хотя бы что означает?

– Человеческое происхождение птицы. Вообще, длинный сказ получится.

– Ладно, после разберемся. Когда заканчиваешь класть плавильную печь?

– Осталось немного, потом она должна сохнуть три седмицы, потом пробный запал и еще время на просушку.

– Вот как закончишь, просись домой в свое Бужениново, хозяйство проверить, ну а я с тобой поеду для присмотра.

– И что?

– Дальше моя забота, спрошу у Петухова лошадь с телегой, чего пешком идти в твою деревню. На самом деле купим баранок и двинем к Бунчихе.

– Может еще булок купить с хорошим запахом? Поглядим, что продают в пекарне.

Кляча еле-еле тащила повозку. Но и торопиться было некуда. Когда выехали на большак, до Бунчихи оставалось верст десять. Дорожный разговор начал Сашка:

– Давно хочу спросить тебя, Симоха, где ты выучился своему печному ремеслу? Как освоил конструкцию железоплавильной печи?

Симоха начал свой сказ с лесных традиций, установленных еще предками в давние времена. Речь шла о длительном гостевании подростков одной лесной семьи у другой.

– Когда только входил я в молодецкую силу, меня отвели в Шеру, место в лесу, принадлежащее нашей родне. Шли мы четыре светлых дня, три раза ночуя в лесу. Встретили нас с радостью, и мне в этой семье сразу понравилось. Та родня уже приспособилась плавить из породы железо, другой родственник им подсказал. Вокруг них железных каменьев накидано видимо-невидимо. Вот я и попал под кладку плавильной печи.

– Кто же тот, другой родственник, что научил печь класть?

– Мы лесные люди сами по себе, токмо грамоты не знаем, а в остальном надо поглядеть у кого ума больше. Мы древние по названию, но вовсе не дремучие.

– Чего ты грамоту упоминаешь?

– Был бы грамотным, написал бы много и о многом. Бывает, знает один секрет и носит в себе. Помирает и все знания пропадают.

За рассказом и не заметили, что на взгорке показалась Бунчиха. Для друзей настало время выбирать место для стоянки. Вдруг из-за громадной липы, растущей на обочине, вышел молодой неопрятный парень. Он размахивал руками и просил остановиться.

– Чего случилось? – спросил Симоха.

– Брат мой ногу подломил, идти совсем не может. Помогите вывезти его из леса на дорогу.

– Чудно как-то, парень! Неужели у тебя силы нет брата из леса вытащить?

– Силы были, растерял я их, уже и сдвинуть брата не в состоянии. А вы вон с повозкой, да почти пустой. Здесь по лесной дороге четверть версты всего будет.

– Чем заплатишь? – не мог угомониться Симоха.

– Не обижу, – обнадежил мужик.

Друзья переглянулись. Симоха едва кивнул. Стало понятно, настоящая ловушка, но отступать нельзя, иначе вся их затея не стоит и горшка разбитого.

– Ну, что, Симоха, кинь добро за лес, после на́йдешь? Так, что ли?

– Давай, парень, кажи дорогу. Только про посул свой не забудь.

Действительно, через четверть версты, приваленный спиной к дереву и, раскинув в разные стороны ноги, сидел здоровенный мужик.

– Вот, Локис, подмогу привел, – крикнул проводник.

«Раненый» ответил, даже не повернув в сторону спасения своей головы.

– Матеуш, брат, век не забуду.

Сразу после этих слов из-за ближайших деревьев вышли двое таких же парней.

– Все москали, отъездились, – раненый встал, как ни в чем не бывало, и подошел к путникам, – руки назад, – скомандовал он.

Когда Сашка и Симоха закинули руки за спину, проводник лихо скрутил их веревками. Ребят усадили на траву и четверо бандитов начали между собой разговоры на непонятном языке. При этом один из них шарил по телеге, заглядывал под сиденье, под днище. Пять буханок хлеба, шмат сала, связку баранок положили на мешок. Бандиты отрезали куски, жевали и продолжали свой непонятный разговор. Один из бандитов налил из жбана в братину кваса и влил в рот сначала Симохе, потом Сашке. Бандиты заржали и продолжали лепетать на своем бесцветном языке.

На русском языке первым заговорил Локис:

– Кто такие, куда путь держите?

– Лаптежники мы из Малоярославца. Ездим по деревням, собираем заказы, потом выполняем их, тем и живем. Мы – вотчинные ремесленники.

Бандиты опять заржали.

– Зря смеетесь, – первым заговорил Симоха, – почитай вся Русь-матушка в лаптях ходит и не жалуется. На-ка, примерь мои лапти, думаю размер как раз по тебе будет, – и Симоха вытянул ногу.

Бандиты переглянулись. Тот, который Андриус, скинул свои перемотины, потом разул пленника. На свои грязные ноги намотал онучи, перевязал их веревкой и приторочил лапоть. Встал, потоптался и крикнул:

– Сымай другой!

В новой обушке бандит прошел по траве и сказал по-русски:

– Удобно, мне нравится! А ты, москаль, босиком походишь. Думаю, что недолго осталось.

Потом бандиты долго общались на своем языке. Порой так заунывно, что хотелось плакать. Иногда ржали во всю глотку.

– Сейчас пойдем дальше в лес, туда, где у нас жилище. Там начнете плести нам вот эту обушку. Сколько времени нужно на это дело?

– Два дня, – ответил Симоха, – только если заготовок хватит. Но, знаешь ли, господин… Как тебя?

– Локис, по-вашему – Медведь.

– Знаешь, господин Медведь, в одной паре лаптей у нас и на рыбалку не ходят. Всегда имеют при себе запас. За все про все нужно четыре дня.

– Ладно, три!

– Ну а дальше, что?

– Посмотрим!

– Нет… Если собираетесь нас убить, на хрена я буду руки свои напрягать? Убивай здесь и сразу! Вон недалече и яма, туда нас и скинете!

– Если все сделаете как надо, и по-честному, и хорошо – отпущу.

Все бандиты опять дружно загоготали.

– Только не обмани! Я ведь слово знаю! По-другому в моих лаптях все свои ноженьки переломаете!

Шли долго, солнце взошло на самый верх, и очень скоро пленники увидели два шалаша, костровище, шесть лошадей и привязанную собаку. Видимо, собака была хорошо обучена. Она не издала ни звука. Только вскочила на лапы и завиляла хвостом. У шалашей лежала мытая посуда, за шалашами виднелась яма для отбросов. В целом в лагере царил порядок. Бандиты распрягли телегу, перепеленали кляче передние ноги и отправили пастись. Корыто с водой кляча нашла сама. На траве бандиты расстелили попону, усадили пленников и выдали по куску их же хлеба.

– В следующий раз кормить будем утром, – сказал тот, кого все называли Вилкас.

– Мое имя означает Волк. Вот сейчас поедите и приступайте к работе!

– Ты, господин Волк, должен понимать, что нужен замер с каждой ноги. Так что, давайте, подходите по очереди.

Бандиты замерли. Каждый прекратил свое занятие, и они начали переглядываться. Сашка правильно определил – смелости у них маловато, чего-то боятся. Медленно, очень медленно соображая, бандиты встали в очередь снимать замеры. Подставляли грязные ножища под приспособленные сухие ветки. Сашка ловко снимать замеры, хотя в лаптях он ничего не понимал. Но принялся так сметливо помогать другу, что никакие подозрения и не возникли. С темнотой друзья улеглись на ночлег прямо на своем рабочем месте. Обнаружилось, что собака, спущенная с поводка, легла рядом.

Ночью Сашка и Симоха шепотом стали обсуждать сложившуюся ситуацию. Дело выходило так, как они поначалу и представить не могли.

После получения утреннего куска хлеба, Симоха заметил, что от такой кормежки у него дрожат пальцы рук, и он не ручается за качество своих изделий.

– У нас еды в обрез, – рявкнул бандит с именем Вилкас и пошел в сторону шалашей.

– Мы на ваши харчи не претендуем, – с ухмылкой крикнул ему Симоха.

– Ты знаешь, где здесь постоялый двор? – спросил Вилкас.

– Знаю, где здесь утки живут.

– Утки? А ты поди их поймай. Уже пробовали. Без выстрела никак не получается. А стрелять опасно, небось понимаешь?

– Мне пистоль не нужен. Хочешь, пойдем покажу.

– Пойдем.

Подошли к лошадям. От хвоста клячи отрезали пук щетины, сплели тетиву, вырезали можжевельник. Волк ловко зачистил его и сделал нужные надрезы. Он уже догадался, что речь идет об изготовлении лука. Срезали два прутика, заострили концы.

– И ты думаешь, сейчас утки слетятся? – сказал с издевкой бандит.

– Не думаю, а знаю.

Подошли к берегу озерка. Симоха достал оставшийся кусочек хлеба, покрошил его у кромки воды и увлек бандита в ближайшие кусты. Там он долго выбирал нужную травинку, потом ловко сложив ее между ладоней, начал дуть в образовавшуюся щель. Получилось точь-в-точь кряканье утки. Прилетели две, потом еще три птицы, и принялись подбирать хлебушек. Симоха прицелился и пустил стрелу. Одна уточка забилась и стихла. Остальные улетели с криками об опасности.

Велико же было удивление бандитов, когда в лагерь принесли освежеванную тушку птицы. Здесь же поставили кипятить чугунок с водой. Пока шла подготовка, друзья принесли две пригоршни лисичек. Только напрасно они ожидали своей порции похлебки, им дали по две ложки супа и стали наблюдать. Спустя какое-то время жадно набросились на еду сами. В конце трапезы пленникам достались обглоданные кости от птицы, причем часть отдали своей собаке, а оставшееся пленникам.

– Вот тебе и вежливые! Лучше бы как наши: сразу в рыло, – бухтел Сашка, не выпуская утиную косточку изо рта.

На другое утро Вилкас пришел с двумя кусками хлеба и приказал Симохе следовать за ним к озерку.

– Нужна утка! Снова будем похлебку варить.

Симоха и Волк ушли, а собака села рядом с Сашкой. От нечего делать Сашка начал разговаривать с собакой. Божья тварь то уши прижимала, то ставила их торчком, но глаз с человека не сводила. Сашка попробовал погладить животное, никаких возражений у собаки не возникло. Вдруг она напряглась и вскочила на все четыре лапы. Из кустов вышел Симоха один… Тут же подбежал Матеуш и поинтересовался, где его приятель Вилкас. Симоха как ни в чем не бывало указал пальцами на кусты и объяснил, что Волк справляет нужду.

– Где? – не унимался Матеуш.

– Где-где… – протяжно повторил Симоха и дотронулся до шеи бандита. Просто дотронулся, но у Матеуша перехватило дыхание, и он начал оседать.

– Свяжи его, – кивнул Симоха на ходу и пошел к оставшимся двоим бандитам.

Сашка связал поверженного, взял дрын и пошел следом. Собака молча потащилась следом. Симоха уже одолел одного, со вторым завязался поединок. Сашка по-быстрому связал побежденного и снова взял в руки дрын. Симоха катался по земле в обнимку с Анриусом. Сашка размахнулся и долбанул бандита по голове. Тот разжал объятия, обмяк и захрипел. Собака предано смотрела на Сашку.

– Ты, Симоха, всех одолел.

– Ты тоже не лыком шит. Как сумел собаку приручить?

Глава шестая

Каждому бандиту нашли по отдельному дереву. Развели их так, чтобы они не видели и не слышали друг друга. Руки сзади связали.

– Ты, Вилкас, повествуй, зачем из краев дальних прибыл к нам? – начал допрос Сашка.

– Тебе, москаль, знать об том не след. Ответ пред тобой держать не намерен.

– Можно согласиться, токмо ты у меня в руках, а не я у тебя.

– Развяжи немедленно! Кто тебе разрешил трогать меня, подданного Польского короля.

– Посиди, подумай, скучно будет зови. А я тебе для подвижности пяток муравьев на одежду скину, – Сашка взял под локоть Симоху и повел его к другому дереву.

– Матеуш, польская рожа, мало мы вас лупили, снова приперся!

– Как ты смеешь со мной так разговаривать? Да ты знаешь…

– Знаю, польская рожа, знаю, скоро тебе конец придет. Хотя могу выбор предложить. Или петля на суку, или камень на шее. Подумай, потом ответ дашь.

Перешли к другому дереву:

– Ну, что, Волк-волчара по имени Вилкас. Сказывают, будто ты главный над всеми, на тебя указуют.

– Врут они, главный не я, главный в Кракове.

– Чего вы сюда приперлись?

– Прошло почти два века, а до того тут Литова стояла, Московией и не пахла.

– Все верно. Земля наша вернулась на родную сторонушку.

– Земля-то ваша, но память у нас лучше.

– Никак что забыли у нас?

– Не забыли. Тогда такого не знавали, кабы знали, все выгребли.

– Камни Сулемы? – выпалил Сашка.

– Какой такой Сулемы? Ежели камни, то у нас их зовут Вилень.

– Нашли общий язык. Вы ждали тех двоих, что на Поротву реку двинули? Так напрасно ждали.

– Выходит вы пришли не случайно.

– А ты как думал? Не хотим, чтобы наши камни увозили.

– Знаешь какие деньги нам за них обещали? Токмо никак не думали, что москали чухнутся. Ведь до вас пока дойдет, сто лет пройдет.

– Ладно, после закончим.

Похоже Андриус, сидя у дерева, задремал.

– Может будить не станем, пусть спит. Нам уходить пора.

– Ей, москали, я не буду сидеть и ждать, когда зверье прибежит.

– Тогда скажи, как вы собирались Вилень-камень тащить к себе за столько верст. Может у вас повозки имеются?

– Деньги у нас имеются, купить повозки собирались.

– Небось хотел на вырученные деньги дом поставить или еще чего?

– Дом у меня есть, хотел хозяйством обзавестись.

– Чего вам в лесу не сиделось? Зачем грабить пошли? Коли деньги имелись, то и на ярмарку можно съездить.

– Хозяин из Кракова не велел нос высовывать в местах, где народу много. А те двое, как ушли, так и пропали. У нас еда кончилась, не голодать же.

Симоха поехал к Устину Андреевичу докладывать от имени Петухова о пойманных бандитах. Сашка остался сторожить, но время зря не терял:

– Значит так, признаетесь зачем явились на Русь, отвезут в Москву. Станут пытать, потом убьют. Скажите про собственное бандитство, оставят тут, на каторгу конечно сошлют, но не на долго. Сами из Вереи. Поди, выговорить сумеете?

– Мы по-русски плохо говорим, – подал голос Вилкас.

– Так и говорите меньше. Голод загнал в лес.

Больше всего Петухов возрадовался возврату пистолей и двух ружей. Бандиты раскаялись, а губной староста на правах просвещенного в судебных делах поведал, что грабежи без крови на многое не потянут. Отправят горемык на каменоломни и через пару годков отпустят. Сашка и Симоха втихаря радовались, что польско-литовская братия ни словом не обмолвилась про чудо-камни, не помянули про тех двоих пропавших на реке.

Сашка и Симоха основное внимание сосредоточили на карте, добытой в шалаше разбойников. В избе, отведенной Симохе, при свете лучины пытались разобраться с линиями, пунктирами и точками. У каждой жирной точки имелось свое название, причем писано оно было кириллицей. С лучиной разобрать не сумели, решили собраться утром, до начала работы. Света поболее и Сашка обещался у немцев втихаря позаимствовать увеличительное стекло.

С утра удалось прочитать слова: Фотинеево, Дубровина, Луканино, Почерваево. Сомнений не возникало, что так зовутся деревни, обозначенные на карте точками. Парочку сходу отгадал Симоха. Он не только знал названия, но и бывал в деревнях. Про Фотинеево и Почерваево решил уточнить у проводника Прохора, с которым ездили в поисках печника. Парень не только подтвердил догадки, но и поведал, как к деревне можно дойти или доехать. Пунктирная волнистая черта оказалась границей леса. Так понял Симоха, он знал некоторые участки леса и по его памяти они совпадали. Отгадали реку Протву в виде жирной черной линии по извилистым изображениям. Река действительно славилась своими поворотами, быстриной и провалами. Оставалось отгадать три кубика. Один на берегу, сразу отгадал Симоха. Именно там значились залежи Сулем-камня. Остальные решили найти и определить.

Снова пришлось идти к старосте, просить лошадь и телегу.

– Ты, Николай Анисимович, даже благодарности нам не вынес за возврат ружей.

– Чего хочешь, говори прямо.

– Нужно съездить с Симохой в Бужениново, хозяйство проверить. Ведь в тот раз мы так и не доехали.

– Опять лошадь нужна и телега?

– Нужна, как благодарность за возврат ружей.

– Ладно, бери, но токмо в один день обернитесь. А то опять пропадете, ищи вас потом.

Поехали с утра пораньше. К левому кубику ближе всех располагалась деревня Луканино, там и лес подходил близко. Получалось, что от Росляковки до Луканино верст восемь. В деревне выбрали приличный дом и познакомились с хозяином. Попросили его приглядеть за лошадью и телегой, обещали вознаграждение. Мужик согласился, но сразу заинтересовался, куда собрались путники, может даже хотел о чем-то предупредить. Потом подумал, махнул рукой и пошел по своим делам.

По карте получалось, что от Луканино до кубика версты две. Ровно такое расстояние указывалось от деревни до реки. Лес сперва был не густой. Идти можно спокойно, потом уже стали смотреть, куда ногу поставить.

– Как думаешь, прошли две версты? – спросил Сашка.

– От силы одну одолели, – ответил Симоха.

Лес жил своей жизнью, пели птицы, слышались непонятные крики, шумели верхушки деревьев, по траве сновали то ящерицы, то лягушки, то прыгали кузнечики.

– Не боись, тут змей отродясь не водилось, – сказал Симоха и вскрикнул.

Сашка тоже подпрыгнул. Перед ним в густой траве ползло нечто толстое и длинное. Когда оторопь прошла, Сашка спросил:

– Видел?

– Понять не могу, змея, что ли?

– Давай обойдем, сдадим назад и сделаем крюк.

Снова шли молча, но лесная жизнь уже не радовала.

Только и гляди, кабы куда не угодить. Сашка начал уставать, когда понял, что они вышли на поляну.

– Давай тут отдохнем, вон дерево повальное. Может присядем.

Сели и еще раз огляделись. Среди ставших уже привычными звуков, птичьих голосов, шума деревьев, стрекота кузнечиков, будто звенел колокольчик.

– Слышишь? – спросил Симоха.

– Слышу. Что такое может быть?

Не сговариваясь, встали и пошли на звук. Из-под векового дуба выбивались струи воды, падали вниз на камни и получался наслаждающий звук.

– Выходит это тот самый кубик? Знал бы, не пошел, – заявил Сашка.

– Думаю, что тут молодильный ключ. В нашем роду о нем легенды ходят. Сейчас попью водицы и тогда скажу так или нет, – Симоха встал на колени и потянулся к струйке. Пил долго и жадно, потом встал во весь рост и вытер рот рукавом.

Сумел выдавить только одно слово:

– Он.

– Объясни, наконец, что за молодильный и что значит он.

– Воду из родника зовут живой. По нашему поверью она лечит раны и на человеке, и внутри человека. Силы придает немалые и можно обходиться без еды.

– Чего же ее впрок не запасают. Эдак и жито не нужно.

– Она ни в каких сосудах не хранится, быстро выдает хлопья и чем дольше, тем хлопья становятся крупнее. Нам с тобой повезло, ты попей водицы и сам почувствуешь ее чудодейственную силу.

Сашка встал на колени, дотянулся до струйки и припал к воде. Поначалу она показалась немного солоноватой, но потом ощущение прошло. Посидели немного на упавшем дереве и снова прильнули к источнику.

Силу почувствовали, когда возвращались назад. Будто и не было никакого напряжения. Дорога показалась в два раза короче. Забрались в телегу и двинули в Бужениново.

Все хозяйство Симохи, кроме полуразрушенной избы, состояло из живущего на дереве ворона и кота неимоверных размеров.

– Кот рыбу умеет ловить, мышей на него не напасешься. Сядет у ручья и ждет, как оголец появится, он его лапой цап и трапеза готова. Еще и с вороном делится.

Пока суть да дело прибежал староста.

– Думал ты сбежал, – начал он.

– Занят государевым делом. Вот появился проведать хозяйство.

– За государево дело деньги платят. А я от тебя подношений давно не получал.

– Получишь подношение от царедворца Милославского, – вступил в разговор Сашка, – слышал про такого? На его заводе служим, по государеву указу. Илья Данилович еще и тесть Алексея Михайловича. Так, что говори с ним о подношении?

– Просто так спросил. Поди голодные? Могу пирогов принесть.

В Росляковке наблюдалось полное затишье. Немец сидел за столом, читал, писал, толмач спал в чулане. Петухов суетился по своим делам.

Потекли дни безделья и тоски. За время просушки печи построили беседку, заготовили дров, наладились ловить рыбу. Душа тянулась к тому загадочному кубику. Но чем ближе ко времени испытания печи, тем суровее ходил Петухов, и молчаливо вел себя немец.

Симоху тоже заботила первая плавка. Он постоянно лазал вокруг печи, заглядывал во внутрь, приводил немца, что-то показывал и чертил на земле. Немец или соглашался, или морщил лоб. Симоха стучал палочкой по глиняной кладке. Потом они с немцем что-то чертили на дощечках грифелем. Сашке даже показалось, что Ланге и Симоха вполне обходятся без толмача. Тот все чаще стоял с закрытым ртом и хлопал глазами.

Однажды толмач вышел на улицу и сел на лавочку. Помощник занял местечко рядом с толмачом.

– Что там происходит? В горнице Симоха и Ганс?

– Сам не могу ничего понять. Говорят уже без меня. Где русский, где немецкий – все перемешалось. Понял одно, что речь идет о приемах обогащения. Симоха говорит: «или просушка, или обжиг». А немец настаивает на «измельчении».

Толмач почесал в своей взъерошенной голове и добавил:

– А по мне лучший способ обогащения, это когда много золота или серебра.

– Дурак, ты парень! Болотная руда дает плохое железо. Чтобы оно было крепким обогащение необходимо.

Вон, видишь, деревянная колода и ступа лежат – это для размельчения. Об этом немец и толкует.

– А печь, когда заработает?

– Когда начнется плавка. Но для хорошего выхода нужна очень высокая температура. Уголь. А у нас дрова. Для нужной температуры Симоха придумал хитрые меха. Вон они лежат, накрытые досками, за корытом.

– Сложно все это. Пойду лучше в горницу, а то еще хватится.

Настал день первой плавки. Все сладилось, и мастера получили крицу – железную массу с примесями. Отнесли в кузню, и под надзором немца кузнец выковал нужные для образца два куска металла.

– Теперь пусть остывают, а после посмотрим, – сказал немец и сел прямо на землю.

Потом стучал молоточком по образцам, подносил их к уху, бросал на камень и, в конце концов, остался доволен.

Петухов уже был наготове и бегал вокруг инженера с приглашениями к столу. Он предчувствовал приятность встречи со своим хозяином боярином Милославским.

– Да еще бандитов поймал! Получил от воеводы слова благодарности, – проносилось в голове старосты. Ощущение полного победителя усилилось после выпитого за столом.

Собравшиеся говорили много и радостно. Толмач уже пел какие-то озорные песни.

Образцы железа в Москву повезли Петухов, Ланге и толмач. Для охраны взяли двух человек. Сашка с ними даже не просился, хотя стосковался по родне и знакомым. Больше всего ему не терпелось отгадать третий кубик. Ждали отъезда главного соглядатая – старосты. А там руки будут развязаны, делай, что хочешь, езжай в любую сторону, хоть на телеге, хоть верхом.

Симоху с собой даже не приглашали. Ему наказали следить за печью, держать небольшой огонь и не давать ей остыть. И Сашка, и Симоха обнялись в Петуховым, только что слезу не проронили. Немцу пожали руку, толмача хлопнули по спине. Встали у крыльца и долго махали руками в след уезжающим. Только поезд закрыла дорожная пыль, ребята сразу оживились.

– Может прямо сегодня махнем за третьим кубиком? – выдал Сашка.

– Имеются дела поважнее. Надобно провести плавку железа с добавками Сулема-камня. У меня тут припрятано немного.

– Куда болванки денем? Тоже прятать будем? – спросил Сашка.

– Прежде сделаем форму топора из песка, я умею.

– Топоры тебе зачем? – удивился Сашка.

– У нас, у лесных людей такие топоры в большом почете. Его ржа не касается и точить не надо каждый раз. А топор в лесу – первое дело. Дом строишь – топор, дрова готовишь –

топор, на охоту идешь – опять топор, врага одолеть – тоже без топора трудно. А ежели топор по руке, да еще такой, как с Сулема-камнем, сердце радуется. Сделаем плавку, отольем заготовки и прокуем в кузне. Знай, помогай.

Глава седьмая

Все утро Симоха смешивал железную крошку и с сулемской пылью. Зарядили первую плавку, отлили три заготовки, потом одолели еще две плавки и отлили формы десяти кинжалов. До самой темноты работали в кузне. Симоха хорошо владел молотом, Сашка помогал ему изо всех сил. Топоры вышли такие, что у Сашки глаза загорелись огнем. На другой день запрягли лошадь и поехали на телеге в Бужениново. Лошадь оставили на попечение старосты, сами пошли в лес. Дорогу к стоянке своих сородичей Симоха знал хорошо и шел уверенно. Солнце еще не вошло в зенит, а среди елей показалось несколько шалашей.

– Неужели избы нельзя поставить? – вырвалось у Сашки.

– Наши люди летом часто перемещаются, а избу держат на случай морозов в другом месте.

Вышли на голую поляну и Симоха прокричал птицей. Тут же из шалашей начали выходить люди. Одеты по-разному, но в основном в домотканых балахонах. Симоха всем им кланялся, его примеру следовал и Сашка. Потом начали обмениваться словами, которые Сашке были совсем незнакомы. Потом начались разговоры на понятном языке, но с примесью странных слов. Вскоре их позвали в шалаш, который стоял посередине. На полу лежало что-то типа скатерти и расставлены деревянные миски с угощениями. Симоха развязал свою котомку и вынул три топора, передал их хозяину. Тот попробовал их на звон и провел пальцем по лезвию, замотал головой в знак согласия. Потом ели и пили. Сашка попробовал вареное мясо, квашенную капусту, грибы соленые, хотя в разных мисках стояли печеные и отварные. Поел рыбы в рассоле и пригубил напиток очень похожий на квас, но с запахом лесных ягод.

– Вас двоих хочет видеть Ушвин. Идите к нему.

Выйдя из шалаша, Сашка первым делом спросил, кто таков этот самый Ушвин.

– Наш вещун, все ведает наперед. Каждое его слово дорого стоит. Только вопросов ему не задавай, не нарушай порядок.

Вышли из нагромождения шалашей и пошли по узкой тропе. Уперлись в полотняный шатер. У входа Симоха встал на колени и произнес:

– Пришел Симоха, сын Солнца.

Сашка, глядя на него также пал на колени и заявил:

– Пришел Александр, сын Никодимов.

Полог откинулся, и к ним вышел старец в балахоне до пят, весь седой, голова не покрыта, борода до самых колен.

– Оба вы одержимы одной мыслию. Путь верный, идите и смотрите, смотрите и решайте. Находка вас объединит и проведет через испытания, и каждый взойдет на ту высоту, о коей мечтает. Ступайте себе и не изменяйте, не кривите душой, береги честь, – старец развернулся и снова скрылся за пологом.

Молча Симоха и Сашка пошли по другой тропе, минуя лагерь, и вышли к границе леса. Вдали показалось Бужениново.

При входе в деревню их поджидал староста.

– Как поживает царедворец? Намерен осмотреть свой завод?

– Намерен, – сказал Сашка, – днями прибудет.

– Видать тогда и рассчитается, так понимаю? – глаза старосты горели алчным светом.

– Тогда и рассчитается сполна, а сейчас нам пора ехать. Вдруг сегодня прибудет царедворец.

До дома ехали молча, похоже каждый пытался понять, о чем хотел сказать Ушвин. Каждый понимал его слова по-своему.

Разговоров про третий кубик не миновали. Сели за стол, развернули карту и вгляделись в нее. Ближе всех к третьему кубику располагалась деревня Фотинеево. Но расстояние не позволяло, как в прежние разы, просить кого-то из местных приглядеть за лошадью. В этом случае ребята обрекали себя на изнуряющий путь от деревни до границы леса, примерно получалось верст пять. Никто не мог предположить сколько предстояло пройти по самому лесу.

– Пешком за день не обернемся, – заявил Сашка.

– Может Прохору откроемся? Парень вроде не болтун, – предложил Симоха.

– Только Петухов еще порог не переступит, а Прохор побежит докладывать ему о наших путешествиях.

– Обратиться к нему можно, ежели цветок сыщется какой нужно.

– Не понимаю тебя, Симоха, поясни.

– Коли Елизарин-цвет найдем, можно смело ехать с Прохором. Запарим цветок и попотчаем проводника по возвращению, к утру он все забудет.

– Никак не могу тебя отгадать. То ты простой мужик, а как копнешь поглубже – диву даешься. Где твой цветок искать прикажешь?

– Не волнуйся, сам пройдусь и найду.

Прохор довез их до границы леса и вернулся поближе к человеческому жилью. Договорились, что приедет за ними на закате солнца.

Снова впереди вышагивал Симоха, за ним едва поспевал Сашка. Время от времени Симоха оборачивался и подбадривал своего приятеля.

– Похоже зря шли, – первое, что сказал Сашка, когда вышли на громадную поляну.

– Какой ты скорый. Я просто так отсюда не уйду, – ответил Симоха.

– Скажи, где искать, и я с большим рвением начну рыть землю, – огрызнулся Сашка.

– Ты пока посиди, похоже устал сильно. Я без тебя обойдусь.

Сашка откинул голову и упер ее, как и спину в ствол дерева, закрыл глаза.

Симоха встал, как ни в чем не бывало, и пошел на поиски. Прошло достаточно времени. Сашка пришел в нормальное состояние, не сходя с места, поделил окружающую местность на участки и стал осматривать каждый куст, каждое дерево.

С первого захода сложилось убеждение, что в этом месте кустарник растет клоками, будто кто-то специально формировал отстающие друг от друга зеленые кущи. Если существует тайна, то наверняка спрятана в кустах, подумал Сашка. Он нашел в себе силы встать и приступить к осмотру намеченных целей. Ветки настолько были переплетены, что приходилось применять достаточно силы, чтобы их раздвинуть. Молодая поросль будущих стволов гнулась до земли под нажимом Сашкиных ног. Но стоило сделать один шаг вперед, как сук распрямлялся и закрывал дорогу назад. На втором оазисе Сашка понял, что начинает уставать.

– Решил остаток сил истратить на войну с кустарником, – услышал он голос приятеля.

– Лучше помоги мне выбраться, воистину силы на исходе.

– Чего ты забрался в дебри? – спросил Симоха.

Сашка поведал про свои наблюдения, и приятель возражать не стал. Вдвоем с применением топора они обработали почти все кущи. Каково было их удивление, когда внутри предпоследних зарослей проступила полуразвалившаяся избушка. Настолько маленькая, что казалось, строили ее не для человеческого проживания. Но при детальном знакомстве обнаружилось и оконце, и дверь на кожаных петлях. Только от кожи уже остались одни лохмоты. Чем прикрывалось окно, было уже не определить. Симоха глянул на Сашка и дотронулся до двери, она рухнула ему под ноги, рассыпавшись на труху. Во внутрь сперва только заглянули. Напротив двери стояло нечто несуразное, служившее ранее скорее всего поставцом. Слева на трех досках, провалившихся, лежал человек с остатками лохмотьев и перекинутыми цепями по бокам.

– Скорее всего мы нашли келью монаха-отшельника. Цепи на скелете – вериги, которые он носил на себе, – определил Сашка.

– Тогда идем вовнутрь, надобно осмотреть келью, – решил Симоха и сделал шаг вперед.

Сашка хотел последовать его примеру, но тут же понял, что вдвоем они не поместятся, начнут мешать друг другу, заденут стену и окажутся под развалинами.

Первым делом Симоха протянул Сашке цепи монаха длинною в аршин каждая и с двумя металлическими пластинами для их соединения. Потом Симоха подал православный крест светло-коричневого цвета в половину аршина по длине с изваянием распятого Христа. Следом Сашка услышал удивленные возгласы напарника. Он не успел ничего сообразить, как показалась голова Симохи.

– Все ожидал, но такого и помыслить себе не мог.

Сашка оглядел приятеля и увидел его пустые руки.

– Чему так удивляешься? – спросил он.

– Пойдем отсюда, там расскажу.

Кое-как вылезли из дебрей. Сашка бережно нес православный крест, Симоха тащил вериги. Дошли до дерева, где определили первый привал, и Симоха полез в карман своего кафтана. На свет Божий появились пять медальонов с изображением Рарога – Огненного Сокола.

– Гляди-ка, тут еще номера выбиты, – заметил Сашка.

– На наших медальонах номеров нет, это точно, а так все один в один, будто делал один и тот же мастер, – заявил Симоха.

Потом добавил:

– Думаю так, келье годов двести не менее. Сюда к монаху приходили Рароги предшественника нашим, но тут и остались. Получалось, что один отшельник победил пять воинов Огненного Сокола. Разве такое может быть?

– Может, ежели он взял их хитростью. Но то, что все пятеро остались здесь, сомнений никаких нет.

– Почему на наших медальонах нет номеров? – озадачился Симоха.

– Почему на добытых тут медальонах имеются номера? – Сашка задал вопрос и с улыбкой глянул на приятеля.

– Хочешь ответ дам? – с ехидной ухмылкой просил Сашка.

– Хочу, – вполне серьезно ответил Симоха.

– Пока не узнаем, что за войско «Рарог», так и будем гадать.

– Надо было тех, из Бунчихи допрашивать как следует.

– Ты же сам просил уберечь тайну Сулема-камня. Ну ладно, давай поглядим на православный крест. Такая работа искусная.

С оборотной стороны крест имел надпись. Чем она была сделана, не определили. Будто начертили волшебной палочкой. Буквы вроде похожи, но не такие. Слова вообще не разобрать. Еще была выбита цифра 6961.

– Еще одна загадка, – раздраженно заметил Сашка.

– Скажи, из чего сделан сей крест? Я таких камней не знаю.

– Может не камень вовсе, а металл, – сказал Сашка, хотя тут же опроверг сам себя. Ибо таких металлов он отродясь не встречал.

Первым хватился Симоха:

– Нам пора идти назад. А то ведь Прохор нетерпеливый, ждет-пождет и людей поднимет на поиски. С него станется.

– Не пойму, из какой стороны мы пришли? Где выход?

– Не бойся, выведу прямо к телеге, – заключил Симоха.

Дорога назад далась легко. Вспоминали про находки и становилось веселее.

Прохор, вооружившись веткой, отбивался от комаров. Увидел ребят и, не скрываясь, стал разглядывать их с ног до головы.

– Думал вы сокровища вынесете.

– Ноги бы унести, а так и без сокровищ жить можно, – заметил Симоха.

Пока тряслись по ухабам, всех одолевали комары. Потом пошла ровная дорога и скорость прибавилась. При въезде к Росляковку Симоха велел остановиться у дома бабки Скворчихи. Ни Прохор, ни Сашка не поняли причины, зато, когда Симоха вынес узелок с едой, всем сразу захотелось есть. Даже лошадь распрягать не стали и первым делом сели за стол в избе Симохи. Когда тот умудрился добавить в квас Прохору отвара Елизарин-цвета, Сашка так и не узрел. Токмо утром Прохор прибежал с расспросами, куда в конце концов они вчера ездили. Пришлось соврать про деревню Бужениново.

– Что мы там делали? – не унимался проводник.

– Крышу Симохе перекрывали. Забыл, что ли? Ты еще солому подавал снизу.

– Все верно. Всю голову себе заморочил и вспомнить не смог.

Понимая, что парень более не заявится, снова сели изучать находки. Сашка списал с креста каждую букву, перенес надпись на бумагу, на обратной стороне начертал номера медальонов. Симоха не ошибся и новые, и старые медальоны ничем не отличались друг от друга. Были одинаковые по размеру, весу и по изображению.

– Думаю, в ближайшее время Огненные Соколы к залежам Сулема-камня не сунутся. Что будешь делать? Вернешься в лес?

– Не очень хочется. Металл плавить интереснее. В кузне работать нравится. Еще пророчество Ушвина из головы не выходит…

– Кроме тебя с печью никто не совладает.

– Ты при немце останешься, без тебя он похоже, как слепой кутенок.

– Не хочу с немцем работать, он ведь какой, от сих до сих, и ни на вершок, что сверху, что в бок. Я так не могу.

– Он тебя не отпустит, – уверенно сказал Симоха.

– Отпустит, я его условия выполнил, работу сделал. А потом с находками работы полно. Надпись на кресте надобно расшифровать, материал, из которого сделан крест, исследовать. В Разбойном приказе узнать про Огненных Соколов. Надеюсь, хоть одну медальку дашь мне с собой. Токмо ежели в Разбойном приказе скажут оставить, придется им отдать.

Приятели все распределили, наметили и уже в мыслях жили той, другой жизнью, которая начнется после возвращения немца. Но вернулся один Петухов. Ни Ланге, ни толмач с ним не приехали. Сашка по-свойски поприветствовал Николая Анисимовича и задал вопрос про качество выплавки. Дескать, как в Каменном приказе металл оценили? Петухов, не поднимая глаз, заявил, что железо справное и тут будут строить завод.

– Где же немец? – спросил Симоха.

– Где толмач? – задал вопрос Сашка.

Петухов набрал в себя воздуху:

– Немца вернули в Каменный приказ, нынче он там нужнее. Куда делся толмач – не ведаю. Про вас велено так: сказать спасибо и отпустить на все четыре стороны.

– Погодь, Николай Анисимович! В таких случаях расчет требуется.

Петухов сузил глаза, упер руки в бока и почти заорал:

– А ты посчитай, сколько ночей провел в деревенском доме, сколько раз трапезу тебе подавали, кобылку пользовал, а телега, та вообще ремонта требует.

– Ладно, стерплю. А ему? – Сашка указал на Симоху, – кабы не он и печь никогда не построили бы. Или ты тоже еду посчитаешь?

– С ним другое дело. Вот тебе, Симоха, деньги за работу. Помнишь, еще полмешка ржи получил? – Петухов положил на стол один рубль.

– Симоха, не бери, – закричал Сашка, – даст рубль, а соврет про десятку. Не бери. Пойдем в Москву, найдем дорогу к Милославскому и спросим с него за работу.

– Ах, так, тогда вы сняты с довольствия прямо сейчас! Вон из моей деревни! Иди, жалуйся, все равно вера мне достанется.

Симоха весь напрягся, глаза засверкали неистовым светом:

– Ладно, Сашка, уходим, пусть подавится. Может брюхо треснет!

Собрали свои пожитки и на ночь напросились к бабке Скворчихи. Утром двинулись на большак искать попутчиков до Москвы. Нежданно-негаданно их обогнал Прохор на коляске Петухова.

– Куда вы? – спросил на ходу.

– Может довезешь до большака?

– Мне до поворота, спешу за лекарем. Петухов животом захворал, сильно мается, не помер бы.

Глава восьмая

По большаку двигались обозы на Москву. Соединялись по нескольку повозок, образовывали поезд и нанимали охрану. Такие чужаков в попутчики не брали. Потом встречались середняки – две-три повозки с малой охраной. Такие иногда отзывались на сигналы руками, но сразу называли цену. Не дожидаясь ответа, лишь глянув на выражение лица, ехали дальше. Одиночки не останавливались из-за страха. Может кого-нибудь одного и взяли бы, но двоих брать опасались. Но повозки шли, и надежда не покидала приятелей.

Симоха иногда начинал ныть, что дескать у него и дом в Бужениново, и родня в лесу, а он прется неизвестно куда.

– Ежели устал, так и скажи, – реагировал Сашка на его нытье.

Надежды на добрых людей растаяли, когда они подошли к Бунчихе. Откуда-то выскочила та самая собака, которая переметнулась от Огненных Соколов к пленным. Что тогда повлияло на породистого пса, оставалось загадкой? В каком поколении собачьих предков передалось знание русского языка? Именно русские команды собака принимала к исполнению и оставалась безразличной к окрикам своих хозяев. Как бы то ни было, но с собакой попутчиков точно никто не решится взять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.